

С.И. ДАНЧЕНКО
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**К 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ —
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ
«ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА»
(Т. I–III. М., 1961–1967)**

Abstract:

Danchenko S.I. *The fiftieth anniversary of the publication of «The liberation of Bulgaria from Turkish rule»*

The article is devoted to the fiftieth anniversary of the publication of the fundamental three-volume collection of documents and materials «The liberation of Bulgaria from Turkish rule» (Vol. I–III. Moscow, 1961–1967) prepared by researchers of the Institute of Slavic Studies and by the staff of the Soviet archives. This work was conducted in collaboration with Bulgarian historians and archivists as a part of international scientific cooperation. The article examines the main contents of the publication and shows the contribution made by Soviet and Bulgarian experts to the study of the history of the Russo-Turkish war (1877–1878) and the issue «The Liberation of Bulgaria».

Ключевые слова: публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», русско-турецкая война 1877–1878 гг., Болгария, болгаристика, сотрудничество советских и болгарских ученых, Институт славяноведения АН СССР (РАН).

Эта статья посвящается не историческому событию и не юбилею выдающегося ученого, а научному изданию и тем, кто полвека тому назад завершили грандиозный проект — трехтомную публикацию документов и материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I–III. М., 1961–1967). Труд этот во многих отношениях стал уникальным в истории отечественного славяноведения: по своему замыслу, автором которого был известный ученый, профессор Сергей Александрович Никитин (1901–1979); по числу привлеченных для осуществления проекта специалистов из СССР и Болгарии; по масштабам проведенных изыскательских работ в целом ряде центральных и региональных архивов и библиотек двух стран; по числу проблем, освещенных в данной публикации — языком документов и в комментариях; по значимости этого труда для последующего развития болгаристики. Но вначале немного предыстории.

С 1 января 1947 г. в Москве, в структуре Академии наук СССР, начало работу новое научно-исследовательское учреждение — Институт славяноведения. С.А. Никитин (в то время — профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, с 1947 г. — зав. кафедрой истории

южных и западных славян) стал одним из его основателей, возглавив сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

В качестве главной, ключевой темы исследований для этого многочисленного вначале научного подразделения профессор Никитин определил проблему русско-балканских связей, включающую вопросы балканской политики России и отношения русского общества к событиям на Балканах, в период от Крымской войны 1853–1856 гг. до Берлинского конгресса 1878 г.

Следует подчеркнуть, что уже с начала 1940-х годов сам С.А. Никитин целенаправленно работал по данной тематике и в 1947 г. защитил докторскую диссертацию «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.»¹. При ее подготовке, во время интенсивных архивных поисков и изучения русской периодической печати, ученый вскрыл громадные пласты в большинстве своем не известных ранее документов и материалов, относящихся к истории Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Познакомившись с их содержанием, профессор Никитин пришел к выводу, что выявление, издание и обстоятельный их анализ — важнейшая задача славистической науки. Новые документы были необходимы, в первую очередь, для углубленных исследований в области недостаточно изученной и односторонне трактуемой в тот период балканской политики России. Важно отметить, что с самого начала Сергей Александрович придавал этому виду работы очень большое значение, считая его особой формой научно-исследовательского труда, когда исторические проблемы, в отличие от статей и монографий, освещаются языком снабженных комментариями и справочным аппаратом документов.

В советскую эпоху для выполнения какого-либо научного замысла прежде всего была необходима поддержка соответствующих вышестоящих структур, и не только академических. После окончания Великой Отечественной войны советским руководством был взят курс на укрепление формирующегося социалистического лагеря. Применительно к славяноведению это означало, что в первую очередь «разрешались» и поддерживались те труды, в которых исследовались проблемы возникновения и развития дружественных связей России/СССР и зарубежных славянских народов, их боевого содружества в борьбе с общими врагами на разных исторических этапах. С.А. Никитин прекрасно ориентировался в послевоенных реалиях и поэтому из всего многообразия тем будущего документального труда «из истории феодализма и капитализма» (тематика его сектора) выбрал проблему «Роль России в освобождении Болгарии от турецкого ига». Это направление научного исследования

было важно еще и потому, что позволяло, помимо русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и создания Болгарского государства, осветить целый ряд других значимых вопросов, а именно: этапы Восточного кризиса 70-х годов XIX в., международные отношения и балканская политика России и других великих держав, отношение русского общества к национально-освободительной борьбе балканских славян, роль русских дипломатов, военных, общественных деятелей и организаций в происходивших на Балканах событиях — то есть давало возможность изучить главную тему комплексно.

В 1947 г., когда был создан Институт славяноведения и возглавляемый С.А. Никитиным сектор, исполнилось 70 лет с начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а к 90-летию юбилею этого выдающегося события издательство «Наука» АН СССР выпустило три тома фундаментального труда. Эти 20 лет были наполнены кропотливой, целенаправленной, интенсивной (порою буквально «на износ») работой, изыскательской и исследовательской одновременно, — в архивах, библиотеках, хранилищах музеев, в которой участвовали десятки преданных своему делу ученых-славистов, архивистов, переводчиков. К тому же это был один из первых опытов международного научного сотрудничества в Институте славяноведения, в данном случае с болгарскими коллегами. Бесспорные достижения этого периода — навыки и наработки по выявлению, обработке, изучению, комментированию и подготовке к изданию документов — станут ценнейшим «капиталом» создателей «Освобождения Болгарии...» и в последующие десятилетия будут использоваться ими при осуществлении других институтских международных проектов, в том числе и по проблеме «Россия и зарубежные славяне в XIX веке».

Период подготовки публикации был очень важен еще и потому, что в эти годы был сделан решающий шаг по пути формирования научной школы славистов профессора С.А. Никитина. Молодые в ту пору ученые, которых он привлек к выявлению и комментированию документов, к составлению именного и географического указателей к этому изданию — А.А. Улуян, Н.В. Зуева, Е.М. Шагохина, К.Л. Струкова, И.В. Чуркина, Д.Ф. Поплыко, В.Г. Карасев, И.В. Козьменко, Н.И. Хитрова, В.Д. Конобе-ев, В.М. Хевролина и др. — являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством С.А. Никитина, перенимая мастерство Учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превращались в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей. Всё это впоследствии, став известными учеными — болгаристами и югославистами, они использовали в своей работе и щедро передавали своим ученикам, обеспечивая, таким образом, преемственность научных исследований.

С конца 1950-х годов под руководством профессора Никитина в Советском Союзе впервые были проведены масштабные работы по выявлению архивных документов по вышеуказанной тематике, которые проводились не только в хранилищах столичных городов, но и в регионах — на Кавказе, в европейской части России, в бывших советских республиках (Украина, Молдавия), а также за границей — в Болгарии.

В подготовке труда активное участие приняли болгарские историки — академик Д. Косев, А. Бурмов, Н. и Г. Тодоровы, Н. Жечев, Х. Гандев, К. Каратеодорова, Р. Стоянова и др. Они также выявляли документы, писали комментарии, отстаивали позиции болгарской исторической науки на заседаниях совместной советско-болгарской редколлегии, регулярно проходивших в Москве и Софии.

Работа над публикацией «Освобождение Болгарии...» стала не только вехой в становлении советской болгаристики, но и важным этапом в истории Института славяноведения, его международных контактов. Огромную роль этот труд сыграл и в жизни его создателей — отечественных ученых-болгаристов. Благодаря ему были установлены тесные, очень нужные для работы, просто дружеские связи со многими болгарскими коллегами, продолжавшиеся потом долгие годы.

Я начала свою трудовую деятельность в секторе новой истории балканских народов (так с 1968 г. стал называться бывший сектор С.А. Никитина) в июне 1971 г., т.е. с момента выхода в свет последнего, третьего тома «Освобождения Болгарии...» прошло уже четыре года. Однако участники этого проекта, сотрудники сектора (про себя я их называла «группой победителей»), и прежде всего болгаристы — Василий Дмитриевич Конобеев, Акоп Арутюнович Улунян, Нина Владимировна Зуева и Екатерина Мелентьевна Шатохина, словно продолжали жить в том времени. «Невооруженным глазом» было видно: они были просто счастливы, что им удалось ЭТО сделать. В разговорах они постоянно возвращались в те незабываемые годы, вспоминали какие-то яркие эпизоды, уникальные архивные находки, поездки за границу и встречи с болгарскими коллегами, превратившимися за столько лет в верных друзей. Радость научной победы не покидала их, давая силы для осуществления новых замыслов и проектов.

К началу 1970-х годов уже появились положительные рецензии на этот труд в советской и зарубежной научной печати, а его участники были награждены высокими болгарскими наградами. Но на том этапе развития славяноведения уникальность этой публикации, как мне кажется, в полной мере еще не осознавалась. Должно было пройти немало времени, чтобы оценить ее научное значение, всё то, что дает современным исследователям основание считать «Освобождение Болгарии...» непревзойденным,

классическим образом советского академического документального издания.

А теперь обратимся к содержанию этого труда.

Первый том, с подзаголовком «Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877» (М., 1961) — это документальная предис- тория русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он включает 460 документов (78 — за 1875 г., 322 — за 1876 г., 60 — за 1877 г.), из которых 26 уже были ранее опубликованы в других изданиях.

Хронологические рамки первого тома — от начала восстания в Гер- цеговине летом 1875 г. до 12 (24) апреля 1877 г., дня объявления войны.

Для подготовки первого тома публикации участники проекта обследо- вали материалы 72 архивных фондов в хранилищах СССР и свыше 60 фондов в Болгарии.

В первом томе отчетливо проявилась одна из главных особенностей данного труда — широта тематического охвата. В него были включены документы, позволившие по-новому осветить ряд важнейших вопросов по истории освободительного движения болгарского и других балканских народов, балканской политики России в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX в., о позиции других великих держав. Несомненной заслугой создателей труда является публикация документов об общественных связях между Россией и южными славянами, что не нашло еще на том этапе раз- вития отечественного славяноведения отражения в других изданиях. Это главная тема первого тома, хотя и дипломатическая история представлена целым рядом уникальных документов, ранее не известных исследовате- лям. Донесения консулов: А.С. Ионина из Дубровника, А.Н. Карцова из Белграда, Я.П. Славолобова из Мостара и др. — позволяют сделать вывод о значительной роли русских дипломатических представителей, одновре- менно являвшихся агентами славянских комитетов на Балканах, в деле оказания разноплановой помощи герцеговинским и боснийским беженцам, болгарам, сербам, черногорцам (раздача денежных пожертвований, покупка продовольствия и вещей, организация санитарной службы и т.д.).

Впервые в историографии в первом томе «Освобождения Болгарии...» были опубликованы документы из фондов III отделения е.и.в. канцелярии, хранящих материалы политического сыска. В труд были включены доне- сения губернских жандармских управлений, копии перлюстрированных писем, характеризующие отношение различных социальных групп насе- ления Российской империи к событиям на Балканах. Бесценный материал по теме «Русское общество и освободительная борьба южных славян» содержится в опубликованных в первом томе документах Московского славянского комитета и его С.-Петербургского отделения, принимавших непосредственное и самое активное участие в организации денежных

и вещевых сборов по всей России уже с осени 1875 г., в компании по посылке добровольцев в Сербию после начала сербо-турецкой войны летом 1876 г., в связях с болгарскими комитетами, а также с благотворительными организациями в Сербии, Черногории, Боснии и с Международным комитетом помощи семействам и раненым Герцеговины и Боснии, созданным в Париже 16(28) августа 1875 г. под председательством сербского митрополита Михаила.

Большую научную ценность представляют материалы первого тома, касающиеся событий в Болгарии, в первую очередь, деятельности болгарских революционных комитетов и подготовки Апрельского восстания 1876 г. Из архивов Болгарии были извлечены личные письма, документы Болгарского центрального революционного комитета, Болгарского центрального благотворительного общества, местных комитетов, т.е. организаций нелегальных или полулегальных. Часть этих материалов написана симпатическими чернилами и была расшифрована, многие источники оказались поврежденными. Данная группа документов потребовала большой предварительной работы. В том были также включены выявленные в Архиве внешней политики России (ныне — Архив внешней политики Российской империи) уникальные дипломатические документы по болгарской тематике: донесение российского посла в Константинополе Н.П. Игнатъева от 27 апреля (9 мая) 1876 г. в МИД о начале Апрельского восстания в Болгарии и его же донесение лично Александру II от 7 (19) мая о его подавлении и др.

На страницах первого тома впервые в историографии нашло отражение добровольческое движение в Сербию в 1876 г. Эту тему освещает весьма значительный блок документов. Они характеризуют социальную среду, дававшую добровольцев, мотивы, ведшие их в Сербию, показывают совместные действия русских и болгарских добровольцев, а также ту огромную помощь славянских комитетов, во главе с И.С. Аксаковым, которую они оказывали добровольцам, начиная с их обмундирования и отправки на Балканы. В этой связи примечательно опубликованное в томе письмо И.С. Аксакова к главнокомандующему сербской армией в сербо-турецкой войне русскому генералу М.Г. Черняеву от 7 сентября 1876 г.: «Вы и представить себе не можете, сколько работы у меня... что значит стоять лицом к лицу с всенародным движением! Приходится объясняться ежедневно с сотнею лиц и получать ежедневно больше сотни писем, на которые нельзя не отвечать, чтобы не оскорбить сердечного чувства пишущих... Я начал вербовку без всякого дозволения, и, наконец, общество просто завоевало себе это право...»². Свою деятельность глава Московского славянского комитета считал делом «историческим», которому «приходится служить теперь до усталости»³.

В первом томе также представлены документы об отношении событий на Балканах русских революционеров. Ранее оно характеризовалось почти исключительно на основе материалов периодической печати. Несколько статей по теме из революционного издания — газеты «Вперед!» в «Освобождении Болгарии...» также опубликовано. Но наряду с ними здесь помещены исключительно интересные письма С. Степняка-Кравчинского, раскрывающие мотивы поездки революционеров в Боснию и Герцеговину, их отношение к происходящим событиям и т.д.

Документы первого тома затрагивают многие вопросы, которые и по сей день являются ключевыми, а некоторые и дискуссионными, неизменно привлекающими внимание исследователей Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Среди них — позиция русского правительства, отношение различных слоев русского общества к событиям на Балканах, деятельность славянских комитетов. В советскую эпоху было принято всячески подчеркивать сочувствие к борющимся против турецкого ига славянам широких масс населения Российской империи — крестьян, рабочих, служащих и интеллигенции, в меньшей степени дворян и купечества, что выражалось в значительных материальных пожертвованиях. При этом в исторических трудах иные мнения, имевшие место в русском обществе по поводу необходимости и целесообразности этой помощи, практически не рассматривались. Поэтому самой высокой оценки заслуживает объективная позиция создателей «Освобождения Болгарии...», которые, несмотря на существовавшие в историографии «стандарты», поместили в первом томе этого труда документы, свидетельствующие о том, что далеко не все в России приветствовали «славянский порыв». Из включенных в том копий перлюстрированных писем, а также донесений начальников губернских жандармских управлений следует, что некоторые представители интеллигенции, в целом сочувствуя «страждущим славянам», тем не менее, выступали против помощи им в таких масштабах. Они считали, что собранные по всей империи сотни тысяч рублей необходимо было потратить на нужды не балканцев, а самих русских. Среди документов этого плана — весьма примечательное перлюстрированное письмо от 5 августа 1876 г. за подписью «Г-ов» издателю газеты «Голос» А.А. Краевскому, на котором есть помета императора Александра II: «Много справедливого». Его автор пишет: «Нечего говорить, что народ понимает будущность и величие славянской семьи! Кто истинно любит Россию, тот поймет, что она теперь нуждается только в мире и мире. Посмотрите: ведь у нас повсюду бедность и неряшливость! Откройте лучше подписку на народное образование, — это будет целесообразнее помощи славянам, которые, поверьте, нас не любят, потому что слабый никогда не любит и не будет любить сильного»⁴. Впервые была опубликована

и примечательная записка III отделения от 7 ноября 1875 г., в которой отмечается следующее: «Несмотря на сильное содействие прессы к подогреванию чувств благотворительности к страдающим герцеговинцам, в обществе уже открыто поговаривают о чересчур сильных симпатиях России в сравнении с остальными европейскими государствами, даже заставляющих забывать собственные внутренние свои нужды...»⁵.

Целый блок опубликованных в первом томе документов посвящен отношению населения Российской империи к ожидаемой уже в конце 1876 г. войне с Турцией. Среди них преобладают политические обзоры губернских жандармских управлений, составившиеся по указанию правительства. Примером может служить исключительно интересный документ — донесение начальству полковника А.В. Комарова из Псковского губернского жандармского управления от 26 октября 1876 г. По его мнению, если бы война сейчас была объявлена, «то в настоящий момент была бы весьма популярна... тем не менее все, от простого крестьянина до лиц, занимающих высшие ступени губернской иерархии, сознают, что война есть одно из величайших народных бедствий и что ежели мудрость человеческая найдет средство обойти это зло, то все останутся очень благодарны»⁶.

Но несмотря на эти благие пожелания, 12 (24) апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Длилась она около года, была тяжелой, кровопролитной, с огромными человеческими жертвами и финансовыми затратами. Военные издержки составили 1.113 млн руб.⁷.

События русско-турецкой войны — с ее начала до 19 февраля (3 марта) 1878 г., дня подписания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, — отражены в документах **второго тома** «Освобождения Болгарии...», который был выпущен издательством «Наука» в 1964 г. с подзаголовком «Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877–1878».

Всего во втором томе — 499 документов (362 — за 1877 г., 137 — за 1878 г.); 26 из них ранее уже были опубликованы. Для подготовки этого труда учеными, архивистами и музейными работниками двух стран были обследованы материалы 295 фондов в хранилищах СССР и 118 фондов в хранилищах Болгарии.

Особенностью этого тома является то, что составители не включили в него материалы о военных действиях, так как, по их мнению, этот вопрос уже детально был освещен в различных изданиях, начиная с XIX в.

В течение всего периода войны, наряду с военными действиями против турецких армий, Россия вела тяжелую дипломатическую «битву» с Англией и Австро-Венгрией, которые «поставили себе целью превратить военные победы России в ее политическое поражение»⁸. Создатели этого

труда, не ставя своей задачей полное освещение этих вопросов, включили в том значительное число секретных инструкций министра иностранных дел Российской империи князя А.М. Горчакова, писем и заметок Александра II, телеграмм и докладов посла в Лондоне в 1874–1879 гг. П.А. Шувалова, посла в Константинополе графа Н.П. Игнатъева, а также ряд других документов, которые раскрывают многие важные моменты дипломатической истории русско-турецкой войны.

Среди материалов этого блока следует выделить впервые опубликованные инструкции А.М. Горчакова П.А. Шувалову от 18 мая 1877 г., — об англо-русских переговорах относительно соблюдения интересов обеих стран и о позиции России в вопросах о Суэцком канале и Черноморских проливах. Документ опровергает утверждения британского кабинета о стремлении России захватить Суэцкий канал и таким образом угрожать интересам Англии в Средиземном и Красном морях. Примечательна часть инструкций относительно намерений русского правительства урегулировать вопрос о Константинополе и Проливах «с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах»⁹. В документе подчеркивается, что захват Константинополя «не входит в планы его величества императора». Русское правительство надеется, продолжал далее Горчаков, что Лондон «примет во внимание особые интересы России, удовлетворение которых зависит от этой войны и из-за которых Россия идет на такие большие жертвы. Эти интересы состоят в абсолютной необходимости положить конец несчастному положению христиан, находящихся под властью турок, и постоянным кризисам, которые из этого вытекают... При каждом из этих кризисов России ставят в вину ее политику, смотрят на нее косо: кризисы влияют на международные отношения, торговлю, финансы, кредиты». Однако Россия, по словам министра, не может постоянно находиться «во власти... разрушительных случайностей, которые мешают ее мирному развитию и наносят ей неисчислимый вред». Вот почему российский император «решился возложить все расходы по войне на плечи своей страны». В заключение Горчаков подчеркнул, что «этот жизненно важный для России вопрос не противоречит ни одному из интересов Европы, которая со своей стороны страдает от шаткого положения на Востоке»¹⁰.

В этом же «дипломатическом» блоке документов опубликована секретная телеграмма Горчакова Шувалову в Лондон от 30 мая 1877 г., свидетельствующая об изменении позиции русского правительства по болгарскому вопросу. Если раньше допускалось разделение Болгарии на северную и южную, то теперь, как отмечал Горчаков, «после зрелого исследования вопроса мы не можем согласиться на разделение Болгарии на две части: она должна быть единой и автономной»¹¹.

Документы по дипломатической истории войны раскрывают также колебания, непоследовательность и нерешительность в известные моменты русской дипломатии, которые успешно использовали западные противники России для нажима на русское правительство с целью уменьшить, насколько возможно, результаты победоносной войны. В представленных материалах содержится немало уникальных свидетельств о том, какую важную роль играли в ходе дипломатической борьбы личные качества и способности отдельных дипломатов, например, Н.П. Игнатьева — с его широкой осведомленностью и твердостью как дипломата, глубоким пониманием болгарского вопроса. Особый интерес представляют документы, которые отражают переговоры с представителями Турции и характеризуют международную обстановку при заключении Сан-Стефанского договора.

Авторы включили в том много документов о помощи болгар русской армии, рассматривая ее как продолжение национально-освободительной борьбы болгарского народа. Тем самым опровергались утверждения ряда западных историков о том, что болгары во время войны были пассивны. Из документов следует (док. № 169, № 171 и др.), что и созданное русскими болгарское ополчение, и другие вооруженные отряды принимали непосредственное участие в военных действиях; болгары действовали также в качестве разведчиков, переводчиков, проводников и санитаров, оказывали помощь в снабжении русской армии продовольствием, в строительстве и укреплении оборонительных сооружений, дорог, мостов и т.д. За это они получали благодарности и заслуженные награды командования русской армией.

Целый блок документов второго тома посвящен созданию и деятельности болгарского ополчения во главе с генералом Н.Г. Столетовым. Сформированное и обеспеченное обмундированием в основном на частные пожертвования, собранные славянскими комитетами, оно до конца войны находилось на финансовом содержании России. Благодаря документам публикации «Освобождение Болгарии...» известно, что общие расходы на болгарское ополчение на 1 января 1878 г. составили 834 174 руб.¹². В этой связи следует привести примечательный документ — письмо военного министра России Д.А. Милютина И.С. Аксакову от 28 апреля 1877 г.: «Для сформировавшихся в конце прошлого и начале нынешнего года болгарских дружин всё обмундирование и снаряжение было заготовлено в Москве попечением вашим (И.С. Аксакова. — С.Д.) совместно с Помпеем Николаевичем Батюшковым, Тимофеем Савичем Морозовым, Сергием Михайловичем Третьяковым, Николаем Александровичем Найденовым и Василием Дмитриевичем Аксеновым. Заготовленные это, выполненное с полной исправностью и своевременно, с умерен-

ным для казны расходом... уже поступило на снабжение сформированных и формируемых болгарских дружин»¹³.

Большая радость болгарского населения при встрече русских освободителей и ее проявления были уже известны в советскую эпоху и из опубликованных ранее документов, и из мемуарной, весьма обширной литературы — воспоминаний очевидцев событий, в основном русских офицеров, находившихся в Действующей армии на Балканах. Помещенные во втором томе документы дополняют уже имевшиеся сведения по данной теме. Так, здесь опубликовано письмо агента славянских обществ в Болгарии К.Н. Станишева И.С. Аксакову от 18 июня 1877 г., в котором есть такие слова: «Очевидцы... рассказывают, что болгаре от радости плачут и смеются, при встрече с русскими солдатами крестьяне обнимаются и целуются, угощают наших солдат тем скудным достатком, который остался у них от хищничества турок. Да, великое совершилось и совершается. Бог действительно возлюбил русский народ, что ему дал в удел великое дело — освобождение братьев!»¹⁴

Важную и значительную по объему часть второго тома составляют документы о деятельности русских по гражданскому устройству освобожденных болгарских земель уже с лета 1877 г. В прежних публикациях по данной теме начала XX в. (Н.Р. Овсянный и др.) были помещены главным образом общие положения, инструкции и другие материалы, которыми должны были руководствоваться русские деятели по гражданскому управлению; отчеты и переписка императорского комиссара в Болгарии генерала А.М. Дондукова-Корсакова и пр. Конкретная же работа русских и болгар по гражданскому устройству болгарских земель была отражена слабо, особенно в период, когда шли военные действия. Именно поэтому авторы «Освобождения Болгарии...» решили опубликовать во втором томе значительное число документов, которые проливают свет на многоплановую и неустанную деятельность русских по организации хозяйственной жизни, охране городов и сел, сбору налогов и в других областях гражданского управления. Немалую роль в успехе этой деятельности сыграл видный общественный деятель, близкий к славянофилам, в 1868–1870 гг. — московский градоначальник, а с ноября 1876 г. — заведующий гражданскими делами при главнокомандующем Дунайской армией князь Владимир Александрович Черкасский (умер в Сан-Стефано, в день подписания мирного договора). Из документов, опубликованных во втором томе, становится совершенно ясно, какой вклад внес этот деятель в создание новой Болгарии. Русское гражданское управление под его руководством, исходя из главной своей задачи — заложить основы свободного Болгарского государства, стремилось постепенно комплектовать весь государственный аппарат из лиц болгарской национальнос-

ти. Русские занимали только высшие должности, которые впоследствии должны были быть также замещены болгарами. Многочисленные документы второго тома свидетельствуют о том, сколько внимания уделяли князь Черкасский и его подчиненные подбору кадров для гражданского управления в Болгарии — он начался уже накануне войны, но по-настоящему развернулся после ее объявления. При этом упор делался на болгар, учившихся в России.

Следует отметить, что помимо рассмотренных выше вопросов, в документах второго тома затрагивается масса других, на которых мы не имеем возможности подробно остановиться в нашей статье: о Самарском знамени (впервые упомянуто в историографии), врученном от жителей г. Самары болгарским дружинам; о реакции жителей Российской империи на объявление русско-турецкой войны; о сборе пожертвований среди ее населения (с апреля по ноябрь 1877 г. было собрано около 10 млн руб.); об образовании и деятельности местных болгарских органов самоуправления, городских и сельских общинных советов, которые, помимо помощи русской армии и болгарским вооруженным отрядам, с самого начала действовали как органы, выполнявшие различные функции государственной власти на местах; о создании и действиях болгарской народной милиции и др.

Третий том публикации, с подзаголовком «Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878–1879», вышел в издательстве «Наука» в 1967 г. Он включает 390 документов: 244 — за 1878 г. и 146 — за 1879 г.

Главная тема третьего тома — действия российских дипломатов, военных и общественных деятелей, направленные на формирование государственности Болгарии и привлечение самих болгар к этому процессу.

Для подготовки труда участниками проекта были обследованы материалы 160 фондов в архивах СССР и 100 фондов в хранилищах Болгарии.

По территориальному охвату документы третьего тома относятся к Болгарскому княжеству и Восточной Румелии — областям, где было введено русское гражданское управление. Наряду с этим здесь опубликованы также материалы о Македонии, в которых речь идет о национально-освободительной борьбе населения этой области против решений Берлинского конгресса, и о Южной Фракии.

Одна из главных тем третьего тома — международные отношения и дипломатическая борьба великих держав в период от Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора до Берлинского конгресса. Многочисленные документы, приведенные в издании, свидетельствуют о той тяжелой ситуации, внутри- и внешнеполитической, в которой оказалась

Россия после победоносного окончания войны. Страна пребывала в политической изоляции, и реальная опасность создания враждебной коалиции во главе с Великобританией вызвала серьезную тревогу у правящей элиты. Этим объяснялись как попытки быстрее договориться с Турцией о превращении прелиминарного мирного договора в постоянный, так и стремление руководителей внешней политики России лавированием и уступками смягчить в какой-то степени ситуацию. Все эти вопросы подробно освещаются в публикуемых документах, в том числе о переговорах Е.П. Новикова и Н.П. Игнатъева в Вене и П.А. Шувалова в Лондоне.

«Немалая часть достижений Сан-Стефанского мирного договора была утрачена в процессе всех этих переговоров еще до Берлинского конгресса, закрепившего разделение Сан-Стефанской Болгарии на три части (Болгарское княжество — самоуправляющееся, но признающее сюзеренитет султана и платящее Турции дань; автономную область Восточная Румелия в составе Турции, во главе с генерал-губернатором христианином; и оставленную за Турцией Македония), а также изменение ряда других статей прелиминарного мирного договора»¹⁵.

В третьем томе впервые были полностью опубликованы инструкции русским уполномоченным на Берлинском конгрессе, раскрывающие отношение русских правящих кругов к различным вариантам решения вопроса о создании Болгарского государства. Документы тома убедительно свидетельствуют о том, что западные державы вели борьбу против действий России и против интересов воссоздавшейся Болгарии. Она велась в Европейской комиссии по организации Восточной Румелии, наглядно проявилась в румелийском финансовом вопросе, в вопросах о возвращении мусульманских беженцев на прежние места жительства, о турецких преступниках и многих других. Это, безусловно, замедляло и усложняло деятельность русского гражданского управления в Болгарии, отвлекало его силы от решения основных, созидательных задач.

Содействие государственному формированию двух болгарских политических объединений, образованных по настоянию западных держав вместо Сан-Стефанской Болгарии, основанных на разных статутах, создание, вопреки желаниям противников России, предпосылок для последующего их объединения и упрочения их независимости — такова была главная политическая линия правящей российской элиты. Авторы рассматриваемого труда включили в третий том примечательный документ — инструкцию МИД России русскому генеральному консулу в Филиппополе А.Н. Церетелеву, в которой подчеркивалось: «Отделение Берлинским конгрессом Южной Болгарии от Северной и образование из нее особой области под названием Восточной Румелии представляет... ненормальное положение вещей...». В связи с этим консулу предписывалось

«употреблять все старания к поддержанию ...связей между обеими половинами Болгарии и к противодействию всем влияниям, направленным к разъединению их»¹⁶. Такое же «здание» получил и дипломатический агент и генеральный консул в Болгарии А.П. Давыдов в инструкции МИД от 7 сентября 1878 г.¹⁷.

Всё болгарское — и шире — всё славянское население Балканского полуострова было глубоко взволновано пересмотром Сан-Стефанского мира, произведенным в Берлине. Борьба против решений Берлинского конгресса — такой была общая линия действий, объединявшая болгарское население разъединенных теперь территорий. На страницах третьего тома подробно освещены все формы этой борьбы, с которыми приходилось иметь дело русской администрации, и ее отношение к ним.

Значительная часть опубликованных здесь документов посвящена организации государственного аппарата и деятельности русского гражданского управления, особенно частным ее вопросам. В томе имеются материалы о приглашении врачей, улучшении санитарного состояния населенных пунктов, об организации народного образования, создании библиотек, о введении болгарской административной терминологии. Впервые в этом издании показана забота русских властей о создании в Болгарии статистики как правильной системы учета, о проведении единовременной переписи населения городов и сел, земельных угодий и скота, о военной подготовке болгар и создании Болгарского земского войска.

В документах третьего тома прекрасно, на наш взгляд, представлена созидательная атмосфера, сложившаяся после освобождения страны, которая была результатом усилий многих русских людей, действовавших в это время в Болгарии. Имея в своем распоряжении военных и штатских сотрудников, озабоченных судьбой нового государства, русский комиссар в Болгарии Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (с мая 1878 г. по июнь 1879 г.), боевой генерал, в период войны — командующий XIII армейским корпусом, а затем — Восточным отрядом русской армии на Балканах, сумел в труднейших условиях оперативно и четко организовать работу своих подчиненных. На страницах третьего тома приведено немало сведений об этих людях, на разных участках приложивших свой труд к делу государственного строительства Болгарии. Среди них: представители русских военных кругов — генерал-майор Михаил Алексеевич Домонтович, майор Геннадий Иванович Шигорин; русские гражданские чиновники — заведующий судебным отделом Управления российского комиссара в Болгарии, один из составителей проекта Органического устава (конституции) княжества Болгария Сергей Иванович Лукьянов, сотрудник русского гражданского управления Константин Андреевич Бух, главный агент славянских комитетов в Болгарии, губернатор Софийского

санджака (1878) Петр Владимирович Алабин и др.; и болгары, русские подданные — Марин Стоянов (Степанович) Дринов, профессор Харьковского университета, в 1878–1879 гг. — софийский вице-губернатор, первый министр просвещения Болгарского княжества; Иван Степанович Иванов, губернатор г. Сливена и др.

Среди многочисленных, очень важных и содержательных документов третьего тома мне хотелось бы специально остановиться на двух. Они не относятся к числу ключевых, не касаются сложнейших вопросов дипломатической борьбы и строительства новой Болгарии. В них затрагиваются, казалось бы, частные, отнюдь не глобальные моменты послевоенной жизни. Однако мне кажется, что без них и им подобных материалов публикация «Освобождение Болгарии...» не была бы такой глубокой, тематически широкой и замечательной.

Первый документ — письмо военного министра России Д.А. Милютина графине Антонине Дмитриевне Блудовой, приближенной к императорскому двору аристократке, фрейлине, весьма интересовавшейся «славянским вопросом», — от 4 ноября 1878 г. Из него следует, что Блудова направила Александру II подготовленную ею записку «относительно находящихся недалеко от Шумлы, около нынешнего Эски-Стамбула, развалин древней столицы Болгарского царства Преславы». Город Преслава (или Преслав) был второй столицей Болгарского государства со времени царствования Симеона (893–927 гг.) до византийского владычества (972 г.). Во время турецкого господства он был разрушен. Судя по всему, вездесущая и очень активная графиня Блудова сообщала в своей записке императору какие-то сведения об этом, подчеркивая значение этого города, некогда центра болгарской культуры, и просила Александра II посодействовать в поисках его следов. Как видно, император «проникся» этой идеей, и русский комиссар в Болгарии князь Дондуков-Корсаков к множеству «заданий» от разных начальников и ведомств, получил еще одно, на этот раз «высочайшее». И вскоре он уже смог доложить Д.А. Милютину, что «по его поручению командированный на место шумлинский окружной начальник представил подробную записку о том, что осталось от древней столицы и что можно было собрать между местными жителями». Кроме того князь Дондуков-Корсаков предписал местному начальству «принять меры к сохранению найденных весьма немногих остатков древности». А почти через 20 лет, в 1897 г., начались археологические раскопки разрушенного Преслава, которые с перерывами велись и в социалистической Болгарии. В результате были обнаружены ценнейшие памятники болгарской архитектуры той эпохи¹⁸. И кто бы мог представить, что всё началось с инициативы русской придворной дамы, которая в 1878 г. думала не о нарядах, драгоценностях и балах, а об историческом наследии освобожденной Болгарии.

Второй из упомянутых выше документов — циркуляр отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам от 9 ноября 1878 г. об увековечении памяти русских воинов, павших во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В нем говорится: «Его императорскому величеству государю императору благоугодно было повелеть, чтобы на могилах воинов, убитых и умерших в минувшую... войну, оставшимися в живых их товарищами поставлены были бы памятники. В исполнение высочайшей воли были выработаны составленною для этого под председательством генерал-адъютанта графа Шувалова комиссиею особые правила, а по предложению главнокомандующего Действующей армиею — указаны места для постановки памятников. Это места бывших сражений: Систово, Никополь, Джуранли, Ловча, Плевно, Церковна, Мечка, Араб-Конак, Шибка, Филиппополь и Хаджи-Оглу-Базарджик. Кроме этого, предположено также устроить и привести в приличный вид кладбища в местах бывшего расположения больших военно-временных госпиталей илазаретов: в Систове, Горном Студне, Болгарени, Боготе, Торнове, Габрове, Беле, Софии, Филиппополе, Адрианополе»¹⁹.

На протяжении десятков лет в Болгарии, как болгарскими, так и русскими однополчанами, было воздвигнуто около 450 памятников погибшим за свободу Болгарии — в знак памяти и признательности героям-освободителям.

Летом 1969 г., т.е. через 91 год после окончания русско-турецкой войны, мне посчастливилось в составе студенческой группы кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова побывать в Болгарии. Мы проехали почти через всю страну, посетили многие города и села и везде встречали памятники русским воинам, и не только величественные мемориалы, как на Шипке, но и очень простые, однако ухоженные, окруженные цветочными клумбами, посещаемые (даже в будний день!) туристами и местными жителями. И это нам, молодым, уже познакомившимся с историей Болгарии, было очень радостно.

Сохраняются эти памятники, несмотря на «веяния» нового времени, и сейчас, когда отмечается 140-летие начала той далекой войны, принесшей болгарам столь долго ожидаемое Освобождение.

* * *

Завершая обзор основного содержания публикации «Освобождение Болгарии...», хотелось бы остановиться на нескольких моментах. Прежде всего, необходимо отметить тщательный, профессионально выполненный отбор документов, при вдумчивом прочтении которых перед нами предстает масштабная картина сложнейшей международной ситуации

периода Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в., национально-освободительной борьбы южных славян, общественного движения в России в их поддержку, различных аспектов освобождения болгарских земель и строительства новой Болгарии.

Всего в издание вошло 1349 документов. И это только небольшая часть того обширного материала, который был выявлен участниками проекта. Так называемый «отсев» «Освобождения Болгарии...» (т.е. выявленные, но не вошедшие в публикацию документы) огромен. Разумеется, он не пропал — его в полной мере использовали ученые нашей страны и Болгарии в своих статьях, монографиях и диссертациях. Важно подчеркнуть, что труд «Освобождение Болгарии...» положил начало многим исследованиям в СССР по истории Болгарии и российско-болгарских связей, о значении русско-турецкой войны 1877–1878 гг. для балканских народов (работы С.А. Никитина, В.Д. Конобеева, А.А. Улуяна, И.В. Козьменко, Н.В. Зуевой, Е.М. Шатохиной, В.М. Хевролиной и др.) — ранее эта тематика была почти не разработана.

Особого упоминания заслуживает высокий уровень комментирования документов. Руководитель проекта С.А. Никитин придавал этому виду работы очень большое значение. Большинство комментариев — настоящие мини-исследования, со ссылками на обширную литературу на разных языках, опубликованные источники, в том числе из редких изданий, и даже на архивные документы. Именно поэтому они весьма информативны, прекрасно написаны и, собранные вместе, вполне могут составить энциклопедический словарь по теме: «Восточный кризис 70-х годов XIX в. и освобождение Болгарии». После выхода в свет этой публикации основательное, профессиональное комментирование станет отличительной чертой многих отечественных изданий документов в последующие десятилетия, а «Освобождение Болгарии...» и поныне остается образцом для этого вида работы.

Такой же высокий уровень отличает и развернутый указатель имен данного труда, которым долгие годы пользовались и пользуются до сих пор историки-балканисты, специалисты по XIX веку, совершенно уверенные в точности указанных в нем сведений.

Именно благодаря аналитическим комментариям и первоклассному справочному аппарату «Освобождение Болгарии...» не может, на наш взгляд, считаться лишь публикацией документов. Это новаторская документально-исследовательская работа высочайшего научного уровня, которая уже 50 лет тому назад признавалась капитальной, фундаментальной и образцовой. И сейчас на нее по-прежнему «равняются» и применяют бесценный опыт участников этого проекта в своих трудах многие слависты и балканисты.

Используя формулировки отчетов нынешнего времени, у публикации «Освобождение Болгарии...» весьма высокий «индекс цитируемости»: на нее часто ссылались и ссылаются в различных научных изданиях, начиная с 1970-х годов. Так, согласно проведенным мною подсчетам, в академическом сборнике документов «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878» (М., 1978), который не дублирует, а дополняет «Освобождение Болгарии...» новыми данными, авторы вступительной статьи 16 раз ссылаются на нее, а в комментариях — 38 раз. Имеются ссылки на «Освобождение Болгарии...» и в коллективных обобщающих трудах и монографиях: «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.» (М., 1978) — 14 раз; «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986) — 15 раз; «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)» (М., 2012) — 33 раза; монография В.Н. Виноградова «Балканская эпопея князя А.М. Горчакова» (М., 2005) — 4 раза и др.

Ссылаются на «Освобождение Болгарии...» в комментариях к документам и создатели ряда фундаментальных публикаций, выполненных уже в XXI веке: «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы» (М., 2008), «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.» (Самара, 2009), «Москва–Сербия, Белград–Россия. Сборник документов и материалов. Том 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 г.». (Белград–Москва, 2011).

* * *

Когда-то Сергей Александрович Никитин сказал, что со временем многие нынешние исторические труды устареют и останутся лишь «фактомисториографии», достойным, в лучшем случае, упоминания в соответствующем разделе чьей-то диссертации. Но НИКОГДА не устареют профессионально выполненные публикации документов — они всегда будут востребованы, к ним будут неизменно обращаться ученые следующих поколений. В народе в таком случае говорят: «Как в воду глядел!»

И поныне трехтомная публикация «Освобождение Болгарии от турецкого ига», в свое время удостоенная многих положительных рецензий и восторженных похвал научного сообщества, при взгляде на нее «из XXI века», заслуживает самой высокой оценки, а труд, вложенный в нее десятилетиями специалистов, — нашей благодарной памяти. Тем же, кто в угоду политической конъюнктуры, стремится «пересмотреть» исторические факты и создать «свою» историю Восточного кризиса 70-х годов XIX в., русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии, хочется пожелать хотя бы раз вдумчиво, «от корки до корки» прочитать этот документальный труд 50-летней давности, который был представлен в нашей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Защита докторской диссертации С.А. Никитина прошла успешно. Вскоре ее автор подготовил данный труд к публикации в издательстве АН СССР. Однако цензура сочла невозможным, по идеологическим соображениям, его напечатать, и набор был рассыпан (Об этом см.: *Чуркина И.В.* Неизданная книга С.А. Никитина // Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. Балканские исследования. Вып.14. М., 1992). Неизданные в 1940-е годы главы из книги С.А. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.» (кое-что ему удалось опубликовать в некоторых своих работах) смогли увидеть свет лишь спустя 65 лет, в 2013 г., в труде «Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. Сборник статей» (С. 161–372). Это стало возможно благодаря тому, что в архиве профессора Никитина чудом сохранилась верстка книги с его авторскими пометками (ныне она находится у бывшего сотрудника Института славяноведения РАН А.Н. Горяинова, который любезно предоставил ее для публикации).

² Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том первый. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. М., 1961. С. 386.

³ Там же. С. 260. Письмо И.С. Аксакова Ф.В. Чижову от 27 июня 1876 г.

⁴ Там же. С. 328. Письмо «Г-ова» А.А. Краевскому от 5 августа 1876 г.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 469–470.

⁷ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том второй. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877–1878. М., 1964. С. 23.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 107.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 127.

¹⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том третий. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878–1879. М., 1967. С. 8.

¹⁶ Там же. С. 207.

¹⁷ Там же. С. 221–222.

¹⁸ Там же. С. 301.

¹⁹ Там же. С. 308.